

Вильгельм БУШ
УЙДИ, ПАПА!

Мы лежали в траве на опушке леса. Вокруг нас царила тишина теплого летнего дня. Как чудесно! Зеленая трава, голубое небо, по которому плывут белые облака, мерное гудение жуков...

Мы выбрались из серого промышленного города и теперь наслаждались природой. Но город не так-то легко расстается с нами. Он следует за нами в наших нервных клетках, в наших мыслях и сердцах.

Мой спутник, горнорабочий, рассказывает мне о своей жизни. У него тяжелая и опасная профессия. Ему приходится работать в жарких штольнях, где порою происходят несчастные случаи.

– Послушай, – прерываю я его, – как ты вообще-то оказался здесь? Ты ведь не всегда был горняком?

После этого вопроса последовало долгое молчание.

– Ты меня слышишь?

– Да. Что ты сказал?

– Я спросил, как ты стал горняком?

Он сел, обхватив руками колени, и почти испуганно посмотрел на меня.

– Да, – сказал он, – это очень тяжелая история. Но раз ты спрашиваешь, я тебе расскажу. Ты прав, я не всегда был горнорабочим. Раньше я развозил пиво. Это была совершенно другая жизнь. Я запрягал двух лошадей и весь день восседал на козлах. Однако моя профессия стала моим несчастьем. Я направлялся от одного трактира к другому. Везде делал остановки и пил пиво: там стакан и там стакан. Постепенно, сам того не замечая, я превратился в настоящего пьяницу. Эти пивные стали моим вторым домом.

Конечно, дома меня ожидала жена и наш ребенок, наша дочурка. Но мне они в то время были в тягость. Я не мог видеть их печальных взоров, когда, напившись, возвращался домой...

Однажды вечером я снова сидел в трактире. Вдруг я заметил, что дверь немного приоткрылась, и в трактир вошла моя дочурка. Моя малышка в этой шумной пивной!

Она нисколько не испугалась. Медленно начала пробираться сквозь толпу шумящих, курящих, пьющих и играющих в карты мужчин, оглядываясь вокруг.

Наконец она заметила меня. Немного поколебавшись, она подошла ко мне, дернула меня за рукав и прошептала: «Папа, идем домой! Мама ждет тебя! Дома у нас так хорошо! Идем же!»

Это было настолько неожиданно и мило – ребенок в этом распутном

трактире, что я встал, чтобы идти с ней. В этот момент я почувствовал, что все взоры устремились на меня. В помещении стало совсем тихо. Я видел насмешливые лица, слышал язвительные замечания.

Меня охватило чувство, которого я и сам не могу объяснить. Тут был и гнев, и страх, что мои товарищи подумают, будто я нахожусь под каблуком у жены; может быть, к этим чувствам примешивалась и злость на самого себя, на свое жалкое состояние... Короче говоря, я в бешенстве закричал на своего ребенка, схватил ее за руку, так что она начала плакать, протащил ее через весь трактир к двери и с силой вышвырнул вон. После этого я напился до бессознательного состояния.

На следующий день я снова напился. Так прошло несколько недель, в которые я не протрезвлялся.

Однажды я пришел домой к обеду и с шумом распахнул дверь. Моя жена, испуганно глядя на меня, умоляюще подняла руки.

– Что случилось? – закричал я.

Она молча показала рукой на лавку, стоящую в комнате.

– Ребенок болен, при смерти. Я прошу тебя...

Действительно, на лавке, обложенная подушками, лежала моя дочурка. Лицо ее горело. Видно было, что у нее высокая температура.

– Что, очень плохо? – испуганно спросил я.

Жена молча кивнула головой.

Я не могу передать тебе, что в это время творилось в моей душе. Мое дитя! Тебе еще не приходилось терять ребенка? Нет? Тогда ты не можешь понять, что это такое. Я поспешил к лавке: «Моя дочурка!» Я хотел погладить ее лобик. Но она с ужасом смотрела на меня, ее ручка уперлась в мою руку. «Уйди, папа!» – проговорила она.

Смертельно испугавшись, я прошептал: «Доченька!» Но она продолжала отталкивать меня: «Уйди же, папа!» И не успокоилась до тех пор, пока я не отошел к двери.

Там, у двери, я простоял два часа, да что я говорю: целую вечность я стоял там! Я видел, как моя жена давала пить умирающему ребенку, видел, как она поправляла подушки и гладила девочку; я слышал, как она молилась вместе с ней. Но как только я пытался сделать шаг по направлению к ней, девочка начинала волноваться и кричать: «Уйди, папа, уйди!»

И я остановился. Я стоял у двери до тех пор, пока ребенок не умер. В эти два часа вся моя жизнь прошла передо мной. Эти два часа я пожинал то, что сеял. В эти два часа земля разверзлась под моими ногами. За эти два часа я узнал, что такое ад. Эти два часа Бог говорил со мной.

Рассказчик умолк. Снова тишина теплого летнего дня охватила нас. Высоко в голубом небе плыли белые облака...

– И что было дальше? – прервал я наконец молчание.

– Дальше? Я сменил профессию и стал горнорабочим. Снова я начал вместе с женой ходить в церковь. Ведь без Слова Божьего невозможно начать новую жизнь.

Я кивнул. Мы хорошо понимали друг друга, так как не один час провели вместе, склонившись над Библией.

Затем мы поднялись и отправились бродить по лесу, полной грудью вдыхая ароматы теплого летнего дня.

Вильгельм БУШ